

Блоги, соцсети, интермедиальность

Юлия Чернышева

«На, возьми стихи»:

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ
И / КАК СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА

Мы знаем, что утратили связь.

Э. Лаутербах. Заклинание¹

Интернет-поэт для литературы — то же,
что кафетерий для школьной системы.

П. Малиновский. Поэты²

Можно выделить два модуса разговора о бытовании поэзии в социальных сетях. Первый — о корпорациях и алгоритмах, которые превращают транслируемый туда опыт в информацию для продажи коммерческим организациям и — де-факто — госорганам. Об угрозе легкодоступности любых данных, о продаваемом месте, месте коммуникативного «сквозняка». Но, разумеется, эти механизмы и неврозы, порождаемые дигитальным существованием, не уникальная для литературного сообщества ситуация. В контексте русскоговорящего сегмента она осложняется политическими реалиями, отсутствием площадок для публичного высказывания и формирования гражданского общества. Это приводит к наделению социальных сетей (в первую очередь фейсбука) сложными, множественными функциями. Вдобавок к этому — повышенный градус агрессивности в рунете, где опыт столкновения с интернет-рисками и буллингом регулярно оказывается выше общемировых показателей³.

1 *Lauterbach A. Spell. N.Y.: Penguin Poets, 2018.*

2 *Malinowski P. The Poets: Pejk Malinowski Self-translates // Cordite: Poetry Review. 2019. № 89 (<http://cordite.org.au/translations/malinovski/>).*

3 Исследования Microsoft 2017, 2019 и 2020 годов, см.: news.microsoft.com/uploads/2017/02/DCI.pdf; news.microsoft.com/ru-ru/dci2019; news.microsoft.com/ru-ru/5-digital-civility-index.

Второй разговор — о том, как *вообще* на литературу/поэзию влияет восприятие текстов читающим сообществом. Это не результат появления новых медиа: социальность давно рассматривается как нечто имманентное литературе. Мы и до соцсетей находились внутри ситуации, когда возможно, что «эстетическое — только разновидность социального» (Волошинов), а новые режимы создания и восприятия искусства вовлекаются в перераспределение чувственного, видимого и ощущаемого, разрушая выстроенные ранее иерархии и системы упорядочивания (Рансьер). Но как именно это сочетается с существованием литературы в лентах сетей, в которых она перемежается с новостями, рекламой, информацией о жизни дигитальных «друзей»? Как новые форматы влияют на возможность выстраивать горизонтальные сообщества? Или, например, заниматься литературным активизмом? Как на литературу воздействует новая чрезвычайная открытость для переноса текстов и активное — даже если не строго одновременное, а скорее мерцающее — присутствие читателей? Здесь же упомяну тот факт, что страницы поэтов посещают, конечно, не только заинтересованные читатели поэзии, но и читатели «поневоле» — родственники, друзья, недруги, коллеги, работодатели, правоохранительные органы и т. д. Часто присутствие этих групп читателей выносится в критику за скобки, но не стоит недооценивать их влияние на авторские практики, адресацию высказывания и (не)сознательное самоцензурирование.

Психологические исследования тем временем говорят: построение литературных сообществ эффективно в «улучшении ориентации индивидов в реальности» и в наработке инструментария социальной адаптации, а также в повышении качества «эмоциональной жизни»⁴. Можем ли мы применять это знание о пользе коллективного письма как терапевтической практики в контексте профессиональной литературы? Интернет в этом случае дает шанс связаться с теми, кто может быть сколь угодно далек, кого мы, допустим, никогда в жизни не видели, но разделяем с ними возможность со-присутствия.

Но не теряет ли онлайн-поэзия в таком «соприсутствии» нечто вроде «телесности», если сравнить это с тем опытом, когда мы делим физическое пространство? В разговоре об этом с поэтессой Инной Краснопер (мы начали общаться благодаря соцсетям) мы затрагиваем вопросы формирования литературных сообществ, а также то, как современный автор представляет себе своего читателя, как осмысляет его. Инна отмечает: «Читатель_ница видит мои тексты на экране, трогая их взглядом, ловя в текущем моменте (вылавливая из текущего момента?). Но они не могут задержаться в руках, как стихи на бумаге».

Мне вспоминается текст Энн Лаутербах, в котором она пишет, кажется, и об этом тоже:

Ее болтовня все так же о близости. <...>
 Она сообщает: нам нужно
 разговаривать лицом к лицу, с теми
 ансамблями взаимосвязей, что являют собой наши лица. Она
 предостерегает от зеркала на кончиках наших пальцев.

4 Longo P.J. Tearing the darkness down: poetry as therapy; Fox J. Poetry therapy: reclamation of deep language (цит. по: Sjollem S.D., Hanley J. When words arrive: a qualitative study of poetry as a community development tool // Community Development Journal. 2014. Vol. 49. № 1. P. 54—68).

А ты устаешь от сих проповедей, этих
предупреждений, этих исследований, что показывают,
что мы утратили связь? Мы
знаем, что утратили связь. Мы
знаем, что мы лишь останки органов бестелесного гула.

Мы знаем, что утратили связь. Но так ли это, и если да, то какую? Возможно, мы теряем физическое ощущение друг друга, а сама связь остается, перформатируясь. Интернет-поэзия — это потенциально постоянное присутствие сотен (тысяч?) читателей, способных подключиться в любой момент, реагировать на текст и обсуждать его, перенося в другие социальные реальности или привнося свои. Литература — это инструмент и поле совместного действия, сфера работы с опытом, и мобилизации в том числе, и телесного присутствия. Это то, что находится, по словам Татьяны Венедиктовой, в поиске «нового определения [собственной] релевантности», пока «теория [ищет] новый предмет изучения»⁵. Исследовательница предупреждает: «То, что мы обнаруживаем (этот новый предмет), может оказаться не литературой как таковой или не литературой в рамках того, к чему мы привыкли».

Мы не теряем, а даже находим новые смыслы, если готовы принять происходящее расширение и пустить в себя удивление новым практикам. Другими словами, мы все еще *тут*, мы (телесно) присутствуем и читаем друг друга, даже если у нас устали глаза, болит голова от листания лент соцсетей, и у нас портится зрение, а смартфоны вырастают в наши руки закономерным продолжением. Читая, мы, как и прежде, переживаем схожие эмоции — ощущение утраты контроля и его возвращение — как тренировку доверия в рамках эстетического режима современности и того, что Рансьер называет «критическим искусством»⁶. Это искусство, предполагающее трансформацию при восприятии и ощущение текста как процесса *воплощенного* изменения (*embodied change*). И если полагать, что отношение интернет-текста к человеческому телу — это то, с чем новые медиумы еще только учатся работать, то развитие новых форм чувствительности у авторов и читателей *уже* происходит, что активно обозревается в критике, рассматривающей эти процессы и перемены.

Инна Краснопер начала писать (и одновременно публиковать поэзию в фейсбуке) в 2016 году, привлекая в письмо предыдущий опыт перформативных и хореографических практик. «После возвращения в Берлин, — говорит она, — мне казалось, я должна локально себя почувствовать, найти присутствие и людей. Я хотела отдалиться от того контекста, где стихи возникли, потому что понимала, что физически там быть не могу». Но отдалиться, как считает Инна, не получилось: «Это пространство/ощущение комьюнити стало скорее виртуальным... Чем дальше, тем больше я с этим соглашалась. Сейчас я не чувствую себя оторванной».

Сегодня виртуальное может быть не менее ощутимым, чем «допотопно-» реальное, а стихи, которые «ловятся только взглядом», вырабатывают новые

5 Venediktova T. Literary Relevance in Search of a Definition // Poletaev Readings 9¾. Session 2. Atheoretical Turn as a Challenge to the Humanities. Институт гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Полетаева, НИУ ВШЭ. 2020. 2 октября (<https://youtu.be/H-toYpfKpUw?t=1029>).

6 Rancière J. Art and politics: Dissensus and its metamorphoses // TOfestival. YouTube. 2016. June 12 (<https://youtu.be/b3CKIZgwf3k>).

режимы восприятия и новую телесность. Читаемая с экрана смартфона поэзия находится в тепле чьих-то рук или же раскрытым ноутбуком покоится на чьих-то бедрах, ощущает движения пальцев на поверхности зеркала экрана, на тачпаде или клавиатуре. Ближе к концу нашего разговора Инна вспоминает свой текст, в котором поэзия сама обращается к поиску, «нащупыванию» своего читателя. В «подражание заражение раздражение» (март 2021-го) читаем:

мое всё
на секундочку
так вам говорю
кому «вам»
а вот говорю.

Поэзия обнаруживает своего читателя и открыто полагается на его присутствие в другом недавнем тексте — «трогать стихи» (май 2021-го):

ласковые стихи
стихи раструби
розоватые в другую сторону
в сеточку стихи
в краешек
в горошек
резные стихи
нарезанные на приклеенные
на при ставучие
на, возьми стихи!⁷
а то упадут.

«Я начала замечать, — говорит поэтесса, — что иногда пишу, напрямую обращаясь — “давайте”, “возьмите”, “на”, — и работаю с тем, что передаю слова в руки кому-то, больше обращаюсь *напрямую* к людям — и, мне кажется, это *напрямую* связано с постингом в соцсетях». Я спрашиваю ее о жесте отдачи стихов в «трогать стихи»: «Ты ощущаешь, что вручаешь их своему дигитальному читателю, который находит их, скорее всего, в фейсбуке или телеграме?» Инна говорит: «Да».

Мобильный телефон в руках превратился в полноценную платформу для получения художественного контента. Социальные сети — это опыт чтения литературного журнала и посещения музея, опыт поэтического вечера (когда авторы делятся аудио-/видеозаписью текста) и концерта. В ленте социальных сетей, как воплощенный замысел авангардистов, свершается синтез разных видов искусств, которые к тому же смешиваются с новостями, информацией о скидках и о жизни знакомых и незнакомых людей. Это доступная портативная реальность, дублирующая и дополняющая «основную». И внутри нее поэзия, словами Одри Лорд, — «искусство для бедных»⁸: стихи, написанные в метро по пути на работу; им не нужна ни *своя комната*, ни много бумаги, ни печатная машинка — в тех реалиях, когда смартфон или компьютер есть уже у большинства пишущих (что, конечно, не гарантирует равенства возмож-

7 Выделение мое. — Ю. Ч.

8 Lorde A. Sister outsider: Essays and Speeches. Berkeley: Crossing Press, 2007. P. 109.

ностей, а ставит ряд новых вопросов: что это за смартфон? есть ли у пишущего дом с оплаченным электричеством, чтобы его заряжать? и т. д.).

Ярче и ярче очерчивается тот факт, что поэт не одинокий гений-изгнанник, творящий в месте, удаленном от гула мира, затворив за собой дверь. Поэзия пишется изнутри гула общества — изгнания из Государства не происходит; поэтам придется остаться, и они придумывают, как им быть. И способов здесь может быть много — от бурных переписок «Арзамаса» до гиперкоммуникативной поэтики Фрэнка О’Хары; список открыт и разомкнут для дополнения.

Поэзия же, существующая на постсоветском пространстве и пишущаяся изнутри авторитарных режимов, в последние годы активно вырабатывает новые языки, призывающие к коллективному действию. Она воображает альтернативные реальности и провоцирует рассуждение: «кроме наблюдения: / можно ли сделать что-то еще / даже будучи частью этого?»⁹ Выдернутая из процесса наблюдения, листания ленты новостей, подсматривания за жизнью других, желаемого этими же другими, поэзия ощущает и воспринимает среду пересборки. Это среда, в которой литература циркулирует в эпоху новых протестов и революций, культурных и социальных, по обе стороны океана. Так это переплетение невротично-распахнутого дигитального и политического пространств прочитывается в запросе «а завезите, пожалуйста, другой фейсбук» у Даниила Задорожного (апрель 2021-го):

а завезите, пожалуйста, другой фейсбук
где все идеально
где все меня лайкают и читают, где нет людей
из категорий «недоступности» и «успеха»
фрустрирующих самим своим существованием
где нет людей, выбеживающих «неправотой» и человеконенавистничеством
но полно предложений нравящейся работы
без неоплачиваемых тестовых заданий
и людей, готовых отдаться по взаимному клику желания
или хотя бы одна реклама, которой я мог бы воспользоваться
а не неработающий таргет из разговоров о кошачьем корме и памперсах
с оплаченными постами политиков, которых я ненавижу

Этот — отчасти ироничный и играющий с собственной беспомощностью — текст, конечно, совсем не о фейсбуке, не только о фейсбуке¹⁰, но и о фейсбуке как о метонимии большой тревожащей реальности, частью которой социальные сети теперь прочно являются. Вопрос и запрос, заданные этой поэзией, можно сформулировать примерно так, цитируя другой текст Даниила («стишочков коробок», апрель 2021-го):

---

9 Задорожный Д. блуждание в прошлом // Facebook. 2021. 18 апреля (<https://www.facebook.com/danik.bytheway/posts/747234382605885>).

10 Современная поэзия, очевидно, может находить себе место и на других платформах, о чем свидетельствует распространение поэтических каналов в мессенджере Telegram, а в контексте англоязычной поэтической среды — популярность «инста-» и «твиттер-поэзии», вероятно, и «тик-ток-поэзии», расцвет которой еще впереди. В рамках этого размышления хотелось сосредоточиться на русскоязычном фейсбуке, как на все еще, вероятно, самом густонаселенном институционализированными поэтами пространстве, во многом из-за того, что Facebook — текстоцентричное поле, не требующее изощренной адаптации текста.

как и что ты можешь сказать людям
о людях?
<...>

мне кажется
можно построить такое слово
его можно отстроить заново

Самое приятное — находить неотрицаемую в поэтиках разных авторов *достижимость* нового языка и единения. Пишущий хочет «пожать руку, лапу, плавник или отросток всех животных организмов, обитающих на этой планете»¹¹.

В некотором роде все, что я делаю, когда пишу поэзию или о поэзии, — это попытка понять: как и какой возникает речь изнутри катастрофы? Как определенные социальные/экономические/экологические/политические условия отпечатываются на поэзии, и как она врезается в них? Нам, кажется, еще только предстоит осмыслить воздействие новых медиа и ускоряющейся коммуникации на порождение «антикатастрофической»¹² речи. Способствуют ли они этому порождению? Это позволяет нам думать над новыми режимами восприятия, возможностями построения сообществ и литактивизма, в общем вообразить — какой предстанет наша новая чувствительность.

---

11 *Задорожный Д.* небезпечні форми близькості / опасные формы близости. Дніпро: Герда, 2021. С. 21.

12 *Балла-Гертман О.* «Родина — это мышление»: К преодолению эстетического // Литература. 2019. № 183 (<https://litteratura.org/criticism/3415-olga-balla-gertman-rodina-eto-myshlenie-k-preodoleniyu-esteticheskogo.html>).